

Опираясь на сведения, полученные от Ранпо Эдогавы, А-Эр направился к заброшенному складу.

Ему безумно хотелось съязвить — ну почему подобные драмы вечно разыгрываются в пыльных заброшенных доках? — но здравый смысл вовремя удержал его от этой попытки найти хоть какой-то повод для горькой иронии.

В воздухе витал едва уловимый, сладковатый, но с отчетливой благородной горчинкой аромат, который дразнил аппетит А-Эра. Так пахло дорогое выдержанное вино, только что принесенное из сырого, темного погреба.

Это была кровь. Чья-то теплая кровь, казавшаяся А-Эру самым притягательным, самым изысканным и смертоносным ядом на свете.

Распахнув тяжелую дверь, он сразу увидел Вермут. Окровавленная, без сознания, она лежала прямо на бетонном полу. Её лицо казалось мертвенно-бледным, а рассыпавшиеся по грязи светло-золотые волосы слабо мерцали в полумраке, точно жидкий лунный свет. Под ней расплывался начертанный её собственной кровью ритуальный круг, в очертаниях которого угадывался зловещий символ всевидящего ока.

Стоило А-Эру бросить взгляд на Вермут, как он мгновенно понял: это ловушка, расставленная специально для него.

Вермут истекала кровью, которая несла в себе его частицы. Для человеческой сути Кадзумы Арааки это не представляло угрозы, но для нечеловеческой природы Сидзуки Годзё и Камиллы подобный призыв был смертельно опасен. На долю секунды они могли принять этот запах за «свой собственный» и полностью потерять контроль над собой.

К счастью, А-Эр, управлявший телом Сидзуки, сумел мгновенно подавить хищный инстинкт и вернуть самообладание.

Пуля чиркнула по его щеке, оставив обжигающий след.

А-Эр резко повернулся в сторону выстрела. Из тени медленно вышел Рэнъя Карасума. На его губах играла горькая, беспомощная улыбка.

— Всё-таки Сиро всегда стрелял лучше меня, — негромко произнес он. — Жаль, что он уже покинул нас и растворился в холодной пустоте вселенной.

А-Эр мысленно покачал головой. Похоже, Рэнъя Карасума стал из тех безумцев, кто любит отпускать висельные шуточки на пороге смерти. Впрочем, для того, кто окончательно погрузился в пучину безумия, эти жуткие шутки давно стали обыденной реальностью.

А-Эру следовало бы ответить жестко, как и подобает перед началом схватки. Но глядя на человека, которого он когда-то выхаживал и оберегал — пусть даже теперь этот ребенок превратился в медленно гниющего заживо мертвеца, — он не находил в себе сил для ответной злобы.

— А ведь когда-то... — с горечью выдохнул А-Эр, — ты плакал от счастья и говорил, как же это прекрасно, что Сиро остался жив.

Карасума растерянно потер виски, словно не сразу расслышав тихий голос собеседника. Лишь спустя долгие секунды до него дошел смысл сказанного. Память неохотно воскресила образ из далекого прошлого: Сиро, метавшийся в предсмертном жару, заботливые руки А-Эра и тот самый миг облегчения, когда друг наконец открыл глаза, а сам Рэнъя, не сдерживая слез, сжимал его в объятиях и шептал, какое это счастье — что тот выжил.

— Ах, это... — Рэнъя надолго погрузился в оцепенение, прежде чем хрипло прошептать: — Тогда мы просто ещё не знали, как выглядит настоящий ад. Жизнь, которой мы живем сейчас — вот истинное пекло, учитель, — он мягко улыбнулся. — Наверное, умереть в полном неведении было бы благом. Но нам открылась изнанка этого мира, и оставаться слепыми глупцами мы больше не можем. А раз так, то даже выбор собственной смерти — это шаг вперед. И мне, как другу, остается лишь благословить его на этом пути.

В руках у Карасумы был проклятый артефакт, ради покупки которого он пустил по ветру всё свое колоссальное состояние. Оружие невероятной мощи — даже полупроклятие уровня Сидзуки Годзё развоплотилось бы на месте, поймай оно эту пулю.

Цена за такую силу была непомерной. Предыдущие владельцы этого оружия гибли в страшных муках, отчего за пистолетом прочно закрепилась слава проклятого клейма.

Рэнъя прекрасно понимал: нажав на спуск, он подпишет себе смертный приговор и повторит судьбу предшественников, если не окончит свои дни еще более кошмарно.

И все же он не колебался. Не имей он столь непоколебимой решимости, он никогда не осмелился бы стоять здесь, лицом к лицу с учителем, которого когда-то любил больше всех на свете.

— Ты убьешь меня, учитель?

— Если бы ты не собирался принести в жертву Вермут, чтобы призвать истинное тело Камиллы и уничтожить эту игру... я бы никогда не тронул тебя, Рэнъя.

— А если это мой единственный путь? Если я твердо намерен погубить Вермут, стереть в порошок этот фальшивый мир и растоптать твою одержимость этой чертовой игрой?

— Тогда мне придётся тебя убить, — серебристо-белые глаза А-Эра, обычно сиявшие чистым, неземным светом, остекленели и налились ледящей душу пустотой.

Образ наставника, который когда-то баюкал его в детстве и читал им с Сиро сказки на ночь, на мгновение показался невероятно близким — и одновременно бесконечно далеким.

Рэнъя, хранивший в памяти образ А-Эра, понимал: именно это безжалостное существо и есть его истинная суть. Вся прошлая мягкость была лишь искусно скроенной маской — человеческой кожей, которую опасный хищник примерил ради покоя окружающих. Настоящим был именно этот равнодушный, жестокий монстр, скрывавшийся за обманчивой оболочкой.

— Вот и славно, — на бледном лице Карасумы отразилось почти блаженное облегчение.

Мир вокруг сошел с ума. Вся его жизнь, полная борьбы и амбиций, оказалась не более чем заскриптованным сценарием в чужой игре. Сплошная бутафория.

Карасума нисколько не удивлялся трагическому выбору Сиро. Тот с малых лет рос слишком ранимым, чутким и беззащитным мальчиком. Рэнъя не держал на друга обиды за то, что тот оставил его. В вымышленном мире, где они оба — лишь наборы пикселей и строк программного кода, любые привязанности теряли смысл.

Перед концом они даже не попытались встретиться. Взглянуть друг другу в глаза означало бы лишь умножить и без того невыносимую муку.

Порой Карасума искренне поражался собственной стойкости. Путь его взросления был сродни сдиранию заживо собственной кожи, под которой нарастало новое, уродливое и неузнаваемое мясо. И после всего этого кошмара он ухитрился не сломаться и выстоять.

Мотив, заставлявший его двигаться вперед, на самом деле был предельно прост: пусть весь мир вокруг окажется иллюзией, стоящий перед ним человек оставался единственной абсолютной реальностью. Оберегая в душе это крошечное зерно истины, можно вынести любое безумие, преодолеть любую безысходность.

Но теперь, во имя заветной мечты — воочию узреть настоящий, подлинный мир или, если не выйдет, сжечь дотла фальшивую игру и стать жертвой на алтаре собственного безумия, — он был обязан собственноручно растоптать эту единственную святыню.

Разумеется, Рэнъя понимал: А-Эр — Игрок, и гибель этого аватара не убьет его душу. Этот выстрел должен был стать символическим актом — Карасума выжигал в собственной груди остатки человечности, уничтожал последнюю привязанность.

Он приносил самого себя в жертву.

А-Эр интуитивно почувствовал его мотив. Даже если ему придется оборвать жизнь Рэнъи, он не позволит осквернить то чистое чувство, которое тот испытывал к своему наставнику.

Завертелась смертельная схватка. За годы чудовищных экспериментов над собственной плотью Карасума превратил себя в кошмарное существо, балансирующее на грани между человеком и монстром. Тело Сидзуки Годзё, которое сейчас занимал А-Эр, уступало аватару Кадзуми в ближнем бою, но использовать проклятую энергию и уничтожать Карасуму словно рядового проклятого духа А-Эр категорически не хотел.

Он твердо решил: в свой последний миг Рэнъя Карасума должен умереть человеком.

Время потеряло привычный ход — секунды растягивались в вечность. Карасума хрипел, держась на одной лишь упрямой воле, а конечности А-Эра были сильно изранены пулями. И пускай обратная проклятая техника мгновенно затягивала раны, навалившаяся на тело свинцовая усталость лишала сил.

Внезапно грохнул выстрел. Рэнъя покачнулся и тяжело рухнул на колени, а затем повалился на бок.

А-Эр резко обернулся. Окровавленная Вермут уже пришла в себя. Сидя прямо на багровом ритуальном круге, она судорожно сжимала рукоять пистолета. По её лицу, смешиваясь с грязью и копотью, катились слезы. Она оборвала жизнь собственного отца. Человека, который всю жизнь видел в ней лишь послушное оружие.

Слезы прочертили дорожки на её испачканном кровью лице, размазывая багровые пятна — следы того, как Карасума силой вскрыл ей вены для своего ритуала. Взглянув на распластанного врага, она зашлась безумным, хриплым хохотом:

— Так тебе и надо! Туда тебе и дорога!

Утерев лицо грязным рукавом, она содрогнулась в глубоком вздохе облегчения. На её измученном лице появилось выражение безмятежного покоя:

— Наконец-то... Наконец-то я свободна от тебя, отец.

Рэнъя Карасума и помыслить не мог, что погибнет от руки Вермут — куклы, которую привык использовать безжалостно и расчетливо. Судьба сыграла с ним злую шутку: он повторил финал своего лучшего друга Сиро, встретив смерть от руки собственного дитя.

Карасума стремительно слабел, жизнь толчками покидала его изувеченное тело. А-Эр смотрел на него со смешанным чувством вины и жалости. Он понимал, что в падении Рэнъи во тьму есть и его, А-Эра, вина. И раз так, он решил подарить умирающему то, к чему тот стремился всю свою долгую, изломанную жизнь.

Он бережно подхватил Вермут на руки и передал подоспевшему Кадзуме Арааки. Девушка потеряла слишком много крови, ей требовалась срочная помощь медиков. Тот единственный выстрел, совершенный на пределе воли, отнял у нее последние крохи сил, и теперь она безвольно обмякла.

«А ведь они действительно похожи с Элой», — грустно подумал А-Эр. Обе обладали поразительной, нестигаемой внутренней силой. Израненные, истекающие кровью, они до последнего сжимали зубы, чтобы нанести врагу сокрушительный ответный удар.

— Надо же... — Карасума выдавил из себя сухой, булькающий смешок. — Мы с Сиро... и впрямь родственные души. Даже сдохнуть умудрились... одинаково.

Чудовищно измененный организм продолжал бороться за существование даже с разорванным сердцем. Именно эта противоестественная живучесть позволяла Рэнъе цепляться за сознание и хрипеть свои жуткие шутки.

А-Эр покачал головой, пропуская сарказм мимо ушей — сейчас было не время для пререканий. Приподняв легкое, иссохшее тело старика, он осторожно перенес его и уложил в центр окропленного кровью круга.

Сознание Карасумы уже застилала предсмертная пелена. Словно пьяный, он судорожно вцепился в одежду А-Эра, ластясь к его рукам, как брошенный ребенок.

— Учитель... ты совсем не изменился, — пролепетал он, тщетно пытаясь сфокусировать угасающий взгляд. — Стоит мне пораниться, и ты сразу... так сильно тревожишься за меня. Ты всё ещё видишь во мне того маленького мальчика... Какое же это счастье...

А-Эр промолчал. Он лишь слегка постучал ладонью по каменному полу и негромко позвал в пустоту:

— Эй. Хватит прятаться, покажись.

Рэнъя резко затих, его бред мгновенно испарился. Он уставился на А-Эра широко распахнутыми глазами.

А-Эр мягким, ласковым жестом убрал слипшиеся от пота и крови пряди с его лба, словно утихомиривал напроказившего и вернувшегося домой ребенка.

— Ты ведь так сильно хотел увидеть Его, верно? — тихо произнес он. — Не бойся. Ведь Он — это тоже я.

Возможно, Рэнъя и сам не отдавал себе в этом отчета, но за его маниакальным желанием призвать Камиллу никогда не стояло глобальных или великих целей. Ему просто хотелось

увидеть иную ипостась А-Эра. Он всегда интуитивно чувствовал, что под любой маской скрывается один и тот же человек.

— Что?.. — Карасума ошеломленно взирал на него, его голос прерывался от душивших его слез и недоумения. — Нет... этого не может быть... Я?.. Я просто...

Безусловно, его жажда узреть истинную реальность была неподдельной, а разум действительно плавился от ненасытного любопытства и воли к жизни. Но столь же чистой была и его мучительная, глубокая привязанность к Сидзуке Годзё — желание понять его без остатка. Человеческая душа — бездонный колодец противоречивых страстей. И когда одержимость поисками истины разрослась до космических масштабов, эта робкая, сокровенная привязанность оказалась погребена под её обломками.

А-Эр коснулся его холодной щеки.

— Спасибо тебе за эту любовь.

То самое первое, наивное и чистое юношеское чувство, вспыхнувшее когда-то на затерянном в океане острове. Пройдя сквозь адские испытания и циничную реальность, оно уцелело, забившись в самый дальний, потаенный уголок его истерзанного сердца, и до последнего мгновения тихо звало своего учителя.

В полузабытии угасающего разума бывшие воспоминания, стертые годами непрекращающейся боли, вдруг проступили с поразительной чёткостью. Ему почудилось, будто перед ним стоит он сам — маленький беззаботный мальчик из далекого детства, который звонко кричит:

— Эй, Рэнъя Карасума! Это ведь ты, да? Расскажи, ты выбрался с нашего острова? Как там наши? Все живы-здоровы? Какой он — мир за морем? Учитель и Сиро ведь всё ещё с тобой, правда? Ты счастлив? Ты набрался смелости сказать учителю, как сильно его любишь? Я так хочу, чтобы мы всегда-всегда были вместе... только мы трое!

Рэнъя смотрел на этот призрак, пока видение не растаяло, оставив после себя лишь смутное, ускользающее эхо детского смеха. Горячие слезы хлынули из его глаз. Он затряс головой, неверяще лепеча:

— Нет... Не может быть... Пожалуйста, нет...

В эту секунду он меньше всего походил на столетнего безумного кукловода, погубившего тысячи душ ради своих амбиций. Сейчас перед А-Эром лежал тот самый маленький, чистый мальчик с далекого острова, когда-то всем сердцем мечтавший увидеть мир за горизонтом.

— Я ненавижу тебя! Слышишь? Ненавижу! — забился он в рыданиях, из последних сил выкрикивая эти слова вновь и вновь. — Почему именно теперь?! Зачем ты это делаешь?! Будь

ты проклят! Слышишь, будь ты проклят! Боги... проклятая судьба!..

Голос Карасумы сорвался на хриплый, полный отчаяния крик.

Он всегда знал, что его любовь неотделима от жгучей ненависти, а ненависть — от безумной любви. Но осознание того, что эта первая, хрупкая детская нежность, которую он считал давно растоптанной и позабытой в грязи прожитых лет, всё это время жила внутри него... окончательно сломило его дух. Он отказывался верить, что, зайдя так невыносимо далеко во тьму, превратившись в чудовище, он все еще умудрялся хранить на самом дне истерзанной души крупицу того невинного ребенка, каким был когда-то.

— Скажи мне... — сквозь пелену слез он вцепился в воротник А-Эра, — почему... почему ты не забрал нас с собой тогда?

— Прости меня, — тихо ответил А-Эр.

— Ты сломал мою жизнь. До самого основания.

— Прости.

— Я ведь... я так сильно любил тебя. Я так отчаянно хотел попросить тебя забрать нас с этого проклятого острова. Но ты бросил нас. Сгорел прямо у нас на глазах...

— Прости.

— Скажи... мы для тебя просто пустые игрушки? Обычные цифровые манекены? Тебе вообще было не плевать на нас?

— Нет, это не так, — впервые за всё время А-Эр заговорил без дежурных извинений. Его голос звучал твердо и искренне. — Я наплевал на все правила, забросил быстрое прохождение и вернулся сюда только ради того, чтобы увидеть тебя. Я знал, что обязан поставить в этой истории точку. Даже если для этого мне пришлось бы оборвать твою жизнь собственными руками.

— Ха... — Карасума издал безжизненный, сухой смешок. Слезы на его щеках уже успели высохнуть. — Ты невыносимо, чудовищно жесток. И все же... я до сих пор...

В мыслях А-Эра отчетливо всплыли слова Сатору Годзё из прошлой жизни, когда тот, стоя под холодным лунным светом, негромко произнес: «Любовь — это самое извращенное проклятие в мире».

—...

А-Эр тихо позвал его по имени.

Услышав этот зов, Рэнъя замер. Он вглядывался в лицо наставника с прежней детской, наивной растерянностью.

А-Эр крепко сжал его ладонь и прошептал:

— Не бойся. Я побуду с тобой до конца.

Жертвенная кровь Вермут больше не требовалась — лучшим подношением для призыва был сам А-Эр. Стоило ему мысленно воззвать к сущности, как пространство соткалось заново: из вязкой, темной жижи сформировалась плоть Камиллы, спускающаяся в этот мир.

Управляя Камиллой, А-Эр крепко заключил Рэнъю в объятия, лавиной обрушивая в его угасающий разум чудовищный массив воспоминаний, знаний и мыслей этой потусторонней сущности.

В одно мгновение на несчастного обрушился колоссальный информационный поток. Перед внутренним взором пронеслись тысячелетние воспоминания бесчисленного множества существ. Разум плавился под этим невыносимым давлением, сознание разрывалось на части от перегрузки. Заходясь в безумном трепете, Карасума зашептал иссохшими губами:

— Так вот... вот что я так долго искал... Каким же... каким же огромным оказался этот мир...

А-Эр проявил милосердие и мгновенно оборвал нить его сознания, не позволяя предсмертной агонии осквернить этот миг. Постигнув истину и исполнив мечту всей своей жизни, Рэнъя Карасума ушел тихо и безболезненно.

— Спокойной ночи, — прошептал А-Эр.

Он нежно коснулся губами его лба — точно так же, как когда-то давно целовал засыпающего у него на руках маленького мальчика.

Покончив со своей скорбной миссией, А-Эр тихо вздохнул и повернулся к Камилле. Он мягко улыбнулся ему, и его вязкая, темная плоть медленно, дюйм за дюймом, поглотила А-Эра целиком.

За секунду до того, как его поглотило забытие, Сидзука Годзё заключил с Камиллой Обет, который должен был раз и навсегда стереть из этого мира всю проклятую энергию и проклятых духов. Следом за ним вязкая бездна Камиллы поглотила и подросшего Кадзуму Арааки.

Три разума окончательно слились воедино.

В наступившей тишине бесстрастно прозвучал знакомый синтетический голос Системы:

****[Поздравляем, Игрок! Игра успешно пройдена.]****

****[ФИНАЛ: Обретение истинного себя]****

<http://bllate.org/book/18335/1760538>